

Интервью с Геннадием Геннадиевичем СОРОКИНЫМ

«Я – ПРЕПОДАВАТЕЛЬ. НАУКОЙ ЗАНИМАЮСЬ В СВОБОДНОЕ ОТ РАБОТЫ ВРЕМЯ»

Сорокин Г. Г. — окончил физико-математический факультет Ишимского Государственного педагогического института (2003 г.), кандидат социологических наук (2006 г.), доцент (2012 г.). Тюменский государственный нефтегазовый университет, кафедра бизнес-информатики и математики. Основные области исследования: социология образования, геронтосоциология.

Интервью состоялось: ноябрь 2014 г.

Интервью с Геннадием Геннадиевичем Сорокиным вписывается в серию бесед с молодыми социологами Сибири и Дальнего Востока, проведенных во второй половине 2014 года. Он родился в 1981 году в Ишиме, южной части Тюменской области, там закончил школу, получил образование на физико-математическом факультете Ишимского Государственного педагогического института, учился в социологической аспирантуре Тюменского государственного университета, там же защитил кандидатскую диссертацию по информационной культуре. Сейчас работает в Тюменском государственном нефтегазовом университете.

Беседа с ним дает ряд интересных историко-научных наблюдений.

В составе третьего социологического поколения работали и продолжает работать немалое число математиков, физиков, компьютерщиков, которые приглашались в социологические коллективы для обработки собранной информации, обоснования выборок и оказания других форм помощи в проведении теоретико-эмпирических исследований. Геннадий представляет младшую часть шестого поколения, он пришел в социологию, когда задачи, возлагавшиеся на математиков третьей когорты уже в целом были решены. Он связывал с социологией возможность обучения в аспирантуре, защиты кандидатской диссертации с последующим вхождением в науку и в преподавательский процесс. Ему удалось осуществить эту задумку, но — как и можно было предположить — за эти несколько лет у него возник интерес к разработке собственно социологической проблематики — феномен геронтообразования в России. Он стал социологом и сейчас готовит докторскую диссертацию. Однако парадоксальность развития социологии в нашей стране не исчерпала себя. Последние годы он работает на математической кафедре, среди сотрудников которой около десяти человек обладают учёными степенями по социологии.

В моей типологии социологических поколений 1981 год расположен в районе нижней возрастной границы шестой профессионально-возрастной когорты, родившиеся двумя годами позже уже относятся к седьмому поколению. Но для всех, кто родился в первой половине 1980-х и учился не в столичных ВУЗах, характерно относительно позднее знакомство со своими коллегами из других регионов и учеными из ведущих социологических центров России. Экономические кризисы, следовавшие один за другим, тормозили установлению профессиональных контактов. Это отмечает Сорокин, и об это говорят многие его ровесники. По-видимому, шестое и седьмое, отчасти – пятое поколения будут более «раздробленными», чем старшие когорты.

И предстоит понять, каким образом это обстоятельство будет определять развитие российской социологии в ближайшие годы. С одной стороны, это может дать рост новым, региональным школам социологии, с другой – породить разного рода напряженности, конфликты.

Сорокин Г. Г.: «Я – преподаватель. Наукой занимаюсь в свободное от работы время»

Геннадий, в своем письме Вы написали, что родились в Ишиме, что родители недолго проработали учителями в деревне, а потом, я так понял, перебрались в Ишим, где уже работали не по полученной профессии. Они и родом из Ишима или оказались в Сибири по распределению. Что они преподавали? И знаете ли Вы, почему они ушли из учительства?

Родители у меня родом из Сибири. Папа родился в Ишиме, а мама в селе Называевское Омской области (сейчас город Называевск). Мама приехала в Ишим учиться в институте. Здесь они и познакомилась с отцом. По образованию мама преподаватель литературы и русского языка. Отец окончил физмат, преподавал математику. После окончания вуза родители распределились учительствовать в маленькую деревню. Папу назначили директором крохотной деревенской школы, в которой было 16 учеников и 17 человек преподавателей и обслуживающего персонала. Когда они, отработав положенные три года, возвращались в Ишим, то убегали не только от профессии учителя, но и от деревенского быта. В деревне и сейчас-то не особенно комфортно живётся городскому человеку, а тогда удобств не было никаких. Зимой за водой ходили на речку в прорубь. Очень не хватало детского садика, куда можно было бы отдать мою старшую сестру.

Что же касается профессии учителя, то плюс в ней был только один – большой летний отпуск. Работа отнимала слишком много времени, сил и нервов. Проработав половину дня в школе, учителя часто шли по домам “двоечников” и “прогульщиков” проводить разъяснительно-воспитательную работу с родителями. Тогда это был обязательный элемент работы школьного педагога. Почти все вечера были заняты проверкой тетрадей. Зарабатывали советские учителя по тогдашним меркам неплохо. Но те же деньги можно было получать, работая на производстве с меньшими затратами сил. Отец за время работы в деревне зарекомендовал себя хорошо и ему предложили должность директора большой школы в посёлке городского типа. Но он это расценил, как “...переезд из маленькой тюрьмы в большую...” и отказался. Родители вернулись в Ишим и устроились в организации на должности, где даже не требовалось высшее образование. Мама рассказывала, что первое время на “обычной” работе в транспортной организации была счастлива от того, что в пять часов можно было уйти с работы и не вспоминать о ней до следующего дня. Но думаю, что полученное образование всё-таки родителям пригодились. Отцу оно помогла продвинуться по карьере. Специалистов инженеров тогда в нашем городе было мало, поэтому, инженерные должности нередко занимали выпускники физмата. В организации “Ишиммежрайгаз” отец сначала был грузчиком на развозке газовых баллонов, потом мастером по ремонту оборудования, затем занимал руководящие должности невысокого уровня (начальник службы внутридомового газового оборудования, мастер газонаполнительной станции и т. п.). Мама до пенсии работала бухгалтером. Но её литературное образование оказалось полезным при воспитании детей. Она много занималась со мной и с сестрой, привила нам любовь

к чтению. Читать и писать я умел уже в четыре года, сестра – в пять. Мы всегда консультировались с мамой по вопросам русского языка (я до сих пор это делаю). Очень полезными для меня оказались мамины уроки по написанию сочинений.

Очень ценным мне представляется Ваше замечание об активном чтении. Социологи старших поколений, которым сейчас 80–85 лет, и следующих когорт рассказывали, что они читали. Постарайтесь и Вы повспоминать, охватив не только совсем детский период, но и школу. Наверное, Вы читали не только книги, которые были дома, но и в городских библиотеках?

В школе я много читал. У родителей была хорошая библиотека, но и городские библиотеки я тоже посещал. Интересовали меня в основном приключенческие романы. Книги Купера, Рида, Хаггарда, Конан Дойла перечитывал по несколько раз. Почему-то практически не читал русских авторов. Возможно, русской литературы мне хватало в школе. Книги во времена моего детства ещё надо было достать. В библиотеке самые интересные книжки были либо “на руках”, либо в очень потрёпанном состоянии. В старших классах читать было уже некогда. Я начал посещать школу программирования, стал заниматься спортом. Кроме того последний год я доучивался в уникальном образовательном учреждении Ишимском городском общеобразовательном лицее. Там нас обучали лучшие преподаватели города, 14 наших педагогов имели учёную степень. Учёба поглощала всё моё время. Чтение из удовольствия превратилось в инструмент. В студенческие годы тоже особенно развлекаться чтением было некогда. Появилась необходимость в подработке. Уже после окончания института, работая в вузе, я поймал себя на мысли, что, в принципе, я читаю достаточно много, но всё прочитанное относится исключительно к моей профессиональной или научной деятельности. Сейчас я, наверное, пишу больше, чем читаю (чукча не читатель – чукча писатель). Если я обнаруживаю у себя пробелы в знаниях, например в истории или географии, то стараюсь посмотреть онлайн какой-нибудь документальный фильм или заглянуть в википедию.

Вы учились в старших классах школы во второй половине 1990-х, комсомола уже не было; но какой-либо общественной деятельностью Вы занимались?

Меня приняли в пионеры в год, когда пионерскую организацию официально отменили. Галстук я поносил всего два месяца. Никаких общественно-политических или даже просто патриотических объединений в моё школьное и студенческое время просто не было. Были творческие объединения, в которых студенты занимались музыкой и хореографией, организовывали студенческие праздники. Был институтский актив, который играл в самоуправление. Насколько мне известно, какое-то подобие молодёжных общественных объединений начало появляться только в середине 2000-х. Например, “Молодая гвардия” – кузница кадров для “Единой России”. Но думаю, что даже если бы что-то подобное было в моё время, я бы не был его активным участником. К активистам партий, движений, объединений и т.п. я относился и отношусь, как к болтунам и бездельникам.

Отец – по образованию математик, учились в специальной школе, изучали программирование, наверное с выбором профессии проблем не было? Или все же какого рода размышления все же были?

Вы совершенно верно подметили, что проблем с выбором профессии не было. Просто выбора-то особого и не было. В институте моего города я мог выучиться только на учителя. Моя свобода выбора состояла лишь в определении направления: от трудовика до преподавателя иностранного языка. Но математика мне всё-таки была близка. Мой выбор – физико-математический факультет Ишимского Государственного педагогического Института также определило то, что на математическом факультете давали специальность “преподаватель информатики”. Я надеялся, что уж с этой специальностью смогу найти себе работу вне школы. Сейчас я понимаю, что учился в вузе, который отстал от своего времени лет на 10–15, причём и в хорошем и в плохом смысле. В моём вузе осталось очень многое из наследия качественного советского образования. Пожилые преподаватели работали на совесть, студентов-платников практически не было, отчисляли неуспевающих нещадно, о взятках мы даже ничего и не слышали. В итоге вуз давал качественные теоретические знания. Эти знания открывали выпускнику хорошие перспективы для работы в образовании или науке, но оказывались совершенно бесполезны в других, даже смежных сферах. Например, профессиональным программистом среднестатистический выпускник физмата работать не мог – квалификация не позволяла. Эти рамки, отчасти, определили моё педагогическое будущее. Ещё одним фактором была необходимость избежать армии. Мне совсем не хотелось терять два года жизни, а учёба в аспирантуре представлялась хорошей возможностью “откосить”. Надеюсь, что безысходность как путь в социологию – это не типичная история социологов моего поколения?

Пока не ясно, причем здесь аспирантура по социологии? Вам в институте читали социологию? Откуда Вы узнали о существовании такой науки (я, как Вам писал, – тоже математик по базовому образованию, по-моему, я такого слова даже не знал). И потом Вы могли с тем же успехом искать аспирантуру по экономике, информатике, педагогике? Как вообще возникла социология?

Российская система высшего образования устроена таким образом, что преподавателю без учёной степени в ней делать просто нечего. Он постоянно будет находиться под угрозой увольнения. Такая политика привела к тому, что в нашем вузе уже не остаётся ассистентов – их “выживают”. Также наметилась устойчивая тенденция к уменьшению числа профессоров. Последние, дожив до 80 лет, почему-то начали умирать. Сейчас в университете остаются только доценты, которые защитив свои кандидатские диссертации, расслабились и успокоились. Поскольку я планировал работать в вузе, то нужно было писать диссертацию. Я обращался к разным профессорам, представителям разных направлений науки. Но одни, хотели работать со своими бывшими студентами, другие искали аспирантов только на платную форму обучения. Кто-то скептически относился к моему “провинциальному” образованию. В аспирантуру по математике я не стал поступать, потому, что мой институтский курс ориентировался совершенно на другие разделы. С информатикой тоже не получилось – мои знания были далеки от реальной практики. Ко мне проявляли интерес профессора различных технических направлений, которые нуждались в математической обработке результатов исследований и разработке соответствующих компьютерных программ. Но по контексту наших бесед было ясно, что мы с ними расстанемся, как только я решу их проблемы. Спустя год напрасных поисков, совершенно

случайно узнал, что есть возможность поступить в аспирантуру по социологии Тюменского государственного университета. Небольшой курс общей социологии нам в институте читали, поэтому некоторое представление об этой науке я имел. В беседе с моим будущим профессором Верой Владимировной Гаврилюк я, к своей радости, узнал, что диссертацию можно построить на стыке областей интересов информатики и социологии. Таким образом, я и попал в социологию. В своей кандидатской диссертации я исследовал феномен информационной культуры социального субъекта.

Вообще ситуация прихода в социологию “иностранцев”, типа математиков или “технарей”, в России – это обычное дело. Часто такие люди попадают в аспирантуру, потому, что умеют составлять компьютерные программы или разрабатывать математические модели, да так в этой науке и остаются. Конечно, социологи со специальным образованием обладают широким социологическим кругозором, но им не хватает “алгоритмизации мышления”. В то же время “социологов-математиков” рецензенты всегда хвалят за логичность и последовательность изложения материала. Может быть поэтому на кафедре социологии коллеги приняли меня доброжелательно.

Кстати, моё “провинциальное” образование помогло мне и ещё одному выпускнику ишимского физмата без труда поступить в аспирантуру на бюджетные места, выдержав достаточно большой конкурс. В то же время наши конкуренты с “правильным” образованием своими знаниями “не блеснули”.

Итак, Вы поступили в аспирантуру, к каком году это было? Определили тему кандидатского исследования. Работы каких российских и Западных социологов стали для вас основополагающими? Не испытывали ли Вы проблем с тем, чтобы найти необходимую литературу? Работали ли Вы в научных центрах Москвы, Петербурга, сибирских городов?

В аспирантуру я поступил в 2004 году. Свою научную деятельность начал, собственно, с изучения основ социологии. Читал учебники, вместе со студентами посещал лекции опытных педагогов. Самыми информативными и самыми полезными мне показались учебники социологии Н. Смелзера и Г. Е. Зборовского. Базой для моей диссертации стали работы таких исследователей информационного общества как Э. Тоффлер, Д. Белл, З. Бжежинский, А. Турен, Э. Гидденс, Дж. Нэсбит, И. Масуда. Большое влияние на меня оказали труды Ж. Т. Тощенко и Г. А. Ключарева, посвящённые изучению феномена функциональной неграмотности. С литературой проблем не было. Библиотеки тюменских университетов могли похвастаться солидным фондом, в городе функционировала современная областная библиотека. К тому же, во время моей учёбы в аспирантуре уже начала работать онлайн библиотека российских диссертаций, мне не нужно было ехать в Москву, чтобы поработать в Ленинской библиотеке.

В научных центрах я никогда не работал. Как и большинство моих коллег, я зарабатываю на жизнь преподаванием. Наукой занимаюсь в свободное от работы время. Несколько раз меня приглашали в исследовательские группы для подачи заявок на гранты. Но такие группы функционировали только на период разработки заявки или (если выигрывали грант) на период работы над общим проектом.

Вы отмечаете: «В своей кандидатской диссертации я исследовал феномен информационной культуры социального субъекта». Пожалуйста, поясните, в чем Вы видели проблему Вашего исследования, что удалось показать.

Научная проблема состояла в следующем противоречии: в условиях перехода к информационному обществу возрастают требования к социальной и профессиональной компетенции социального субъекта, но при этом уровень функциональной грамотности значительного числа россиян снижается. В диссертации я исследовал роль информационной культуры как компонента функциональной грамотности. Изучив стратегии поведения представителей различных социально-демографических групп в ситуации нехватки актуальных знаний, я доказал, что знания и умения, необходимые для работы с информацией, сегодня входят в минимум знаний, необходимых для полноценного выполнения индивидом своих профессиональных и социальных функций. Высокий уровень информационной культуры необходим для поддержания социальной и профессиональной компетентности индивида на уровне, соответствующем современным стандартам функциональной грамотности.

Очень интересно, выстраиваются, как и должно быть в историческом исследовании, «сети»; в рамках моего Проекта я провел и опубликовал интервью с Ж. Т. Тощенко и Г. Е. Зборовским, только что закончил беседу с Г. А. Ключаревым. Пожалуйста, расскажите об эмпирической базе Вашего диссертационного исследования, как Вы ее создавали...

В качестве эмпирической базы выступали данные анкетных опросов, четырёх категорий респондентов: школьников, студенческой молодёжи, лиц в возрасте трудовой активности и пенсионеров. При классификации респондентов я отталкивался не столько от их возраста, сколько от ведущего вида деятельности. Я пытался соотнести степень сложности информационной ситуации, в которой находился респондент с эффективностью действий, которые он предпринимал для адаптации к изменяющейся информационной среде. Исследуя информационную культуру пожилых, я впервые узнал о присутствии в современном обществе проблемы образования представителей старшего поколения. Данная проблема меня заинтересовала и, сразу же после защиты кандидатской, я сосредоточился на новом направлении исследования. Кстати, у Г. А. Ключарева я имел удовольствие брать интервью как у эксперта в области геронтообразования.

Вы указали ряд зарубежных авторов, по которым Вы осваивали проблематику информационного общества, знаете, что на Западе уже многие годы изучают разные формы воздействия информационной культуры различные социальные образования, не пытались ли Вы найти возможность поучиться в каких-либо зарубежных университетах, ведь там много программ различной продолжительности? Сейчас это не столь уж сложно...

Конечно, поучиться в хорошем зарубежном университете или образовательном центре было бы здорово. Можно было бы изучить методы и подходы к исследованию информационной культуры, которыми пользуются зарубежные коллеги. Я бы мог провести опросы зарубежных респондентов, аналогичные тем, которые я проводил в России и потом сопоставить результаты, определить национальные факторы формирования информационной культуры личности. С боль-

шим интересом я изучил бы зарубежный опыт образования взрослого населения. То есть для моего исследования и для моего профессионального становления такая заграникомандировка была бы, определённо, полезной. Да и просто посетить уроки опытных зарубежных социологов, имеющих большой практический опыт, было бы интересно. Но на каждое “бы”, есть своё “но”.

Во-первых, такой насущной необходимости у меня не было. Информации хватало, в том числе и книг иностранных авторов.

Во-вторых, на кафедре социологии я и так был в положении “высочки”. Я неизвестно откуда появился, имел наглость поступить на дефицитное бюджетное место в аспирантуру, без проблем получил работу и койку в общежитии. Если бы я ещё попробовал выбить заграничную стажировку.... думаю, нашлось бы много людей, которые объяснили мне, что я и так имею больше, чем мне причитается. Я бы настроил против себя всю кафедру.

В-третьих, тогда, как и сейчас, любой российский учёный, пишущий кандидатскую или докторскую диссертацию, стремиться завершить работу как можно скорее, пока ВАК не ужесточил требования. Уехать на несколько месяцев за границу значило бы потерять драгоценное время.

В-четвёртых, возникли бы языковые проблемы. Я имел хорошие оценки по иностранному языку в школе, вузе и аспирантуре, но лишь начав серьёзно изучать язык уже в тридцатилетнем возрасте, осознал всю ничтожность моих знаний. Думаю, что эта проблема типична для многих российских учёных и просто образованных людей. В школе и вузе нас учили только читать и переводить. В некоторых анкетах до сих пор на вопрос о знании языка можно выбрать пункт “перевожу со словарём”. Забавная оценка знания языка. Так любой человек может написать про любой язык. Как-то на отдыхе в Турции я познакомился с турком, который спросил меня, почему русские так плохо знают английский язык. С грустью и гордостью пришлось объяснить, что нас учили быть солдатами и рабочими, наша система образования не готовила людей к путешествиям по миру.

Ну и, наверное, самая главная причина заключается в том, что отправка аспирантов на стажировку за границу в моё время широко не практиковалась. Я за время учёбы в аспирантуре не припомню ни одного такого случая, хотя контактировал с ребятами, обучающимися по всем направлениям. Сейчас наши учёные (преподаватели вуза) иногда летают за границу для обмена опытом или на конференции. Некоторые отправляются на краткосрочное обучение по приглашению зарубежных образовательных центров. Ну и есть единичные случаи, когда учёный отправляется за рубеж по своей инициативе (сам договаривается с иностранными партнёрами, выбивает деньги из университета и т.д.). Но ещё раз подчеркну, что такие случаи крайне редки. Время от времени наш университетский департамент по международным связям запрашивает у нас пожелания на заграникомандировки. Но для чего он это делает, я не знаю. Мне ничего не известно о случаях, когда чьи-то конкретные пожелания были бы удовлетворены.

Да, понимаю, мне казалось, что теперь это проще, чем в 70-х – 80-х, наверное, проще было в 90-х... жаль, а что Вы скажете о возможности участия в региональных, межрегиональных конференция? Замечу, в Москве и Петербурге, очень часто проводятся школы, конференции с участием лучших отечественных специалистов и зарубежных ученых. Для Вас это тоже проблематично?

Если бы Вы спросили меня лет пять назад (до кризиса 2008 года), я описал бы Вам достаточно радужную картину. У всех подразделений университета (кафедр и институтов) были собственные бюджеты, в которых предусматривались значительные суммы на повышение квалификации сотрудников и на участие в конференциях (две отдельные статьи бюджета). Преподаватели, активно занимающиеся наукой, имели возможность ездить по стране, общаться с коллегами. Иногда в конце отчётного периода нас в авральном порядке отправляли на какую-нибудь конференцию или курсы, лишь бы все деньги были потрачены (иначе в следующем году бюджет урежут).

И, надо признаться, иногда выпадали интересные командировки. Так в 2008 году, я побывал в Москве на необычной конференции. Обычно соберутся несколько сотен социологов, поговорят каждый о своём. А участникам слушать выступления, не касающиеся их темы, скучно. Здесь же конференция была мультидисциплинарной, на неё приехали не только социологи, но и экономисты, демографы, медики, социальные работники, педагоги. И все учёные говорили об образовании пожилых, каждый с точки зрения своего направления. Было очень интересно.

Мне здорово повезло, что кандидатскую диссертацию я писал именно в этот “тепличный период”. Для научной работы я имел все необходимые условия.

Потом грянул кризис. Все бюджеты сократились во много раз (“оптимизировались”). Командировки стали редкими. Для повышения квалификации сотрудников начали направлять в основном на курсы, проводимые в рамках самого университета. Два года назад меня направили по федеральной программе в Санкт-Петербург. Университет должен был софинансировать мою поездку. Мне с огромным трудом удалось “наскрести” по разным подразделениям необходимую сумму. При этом я никак не мог понять логику происходящего. Зачем заставлять человека куда-то ехать, если даже денег на это нет?

Но, нужно сказать, что не всё так плохо, как может показаться. В нашем городе ежегодно организуется несколько конференций различного уровня. Мы имеем возможность в них участвовать. Кроме того, можно заочно участвовать в конференциях по всей России и “ближнему зарубежью”. Правда, бесплатных конференций сейчас практически не проводится, а оргвзнос иногда просят такой, что дешевле опубликоваться в журнале из списка ВАК.

Профессор Вера Владимировна Гаврилюк не только ввела Вас в социологию, под ее руководством Вы подготовили и защитили кандидатскую диссертацию. Что бы Вы могли сказать о работе с ней, о ее стиле общения? Кто еще из тюменских социологов оказал Вам помощь в профессиональном становлении?

Действительно, Вера Владимировна очень многим людям открыла дорогу в социологию и многих поддержала на этом пути. Если начало моей карьеры как социолога, по сути, является чередой случайностей и удач, то самая большая удача – это, конечно же, встреча с Верой Владимировной. Изначально я пришёл договариваться о поступлении в аспирантуру к другому профессору. Во время разговора на кафедру вошла Вера Владимировна и подключилась к нашей беседе. Выяснилось, что ей такой аспирант нужнее. Так я попал “под её крыло”. Сейчас я понимаю, что лучшего наставника у меня просто и быть не могло. Профессор Гаврилюк не только известный учёный, но и педагог с большими и успешным

опытом научного руководства аспирантами. Стиль работы Веры Владимировны с молодёжью отличается демократичностью. Она никогда не давит на своих подопечных, не навязывает свою позицию, а лишь, направляет, давая тем самым возможность для развития и роста. Даже направление и тему исследования аспиранты профессора Гаврилюк определяют сами. Нас с Верой Владимировной объединяла не только наука, но и профессиональная деятельность. Более пяти лет она была моим непосредственным начальником. Но Вера Владимировна как руководитель – это тема отдельного большого интервью. Среди всех её качеств как учёного, педагога и управленца я бы особо выделил умение “слушать и слышать” собеседника. Этого качества, по моему, сегодня очень не хватает как учителям, так и людям, наделённым властью. Мы продолжаем сотрудничество с Верой Владимировной в научной сфере. Вот уже более восьми лет она “на общественных началах” консультирует меня по докторской диссертации. Объективно, если бы не встреча профессором Верой Владимировной Гаврилюк, я не знаю, как бы сложился мой путь в социологической науке.

Что касается помощи других тюменских социологов, то помогали многие. Кто-то позволял посещать свои лекции, кто-то давал совет или конструктивно критиковал. Некоторые поддерживали добрыми словами или просто человеческим отношением. Но называть одного или пятерых мне бы не хотелось, чтобы не обидеть остальных.

Вы написали мне, что постепенно вырисовывается направление Вашего докторского исследования феномен геронтообразования в РФ, его сущность, социальную роль, перспективы и т.д. не могли бы Вы развернуть сказанное, в чем суть Вашего поиска, какова мера изученности этого феномена, как, пусть в общих чертах видится методология этого исследования, что может составить его эмпирическую базу?

Вот уже восемь лет я изучаю феномен геронтообразования в России; опубликовал две монографии и больше 50-ти статей. Под пожилым возрастом, для определённости, я понимаю возраст “60+”. Хотя, конечно же, определение границ и критериев старости – это тема отдельного долгого разговора. В настоящее время социология не часто обращается к проблемам пожилых людей. Исследователей интересует в основном молодёжь. Невысокий интерес учёных к данной проблематике вполне объясним, он отражает общее отношение общества к старикам. В массовом сознании пожилые люди – это “социальный балласт”, иждивенцы, которые исчерпали свой трудовой и репродуктивный ресурс. Но на самом деле всё не совсем так. Сегодня увеличивается средняя продолжительность жизни и возраст “дожития”. Отмечаются тенденции улучшения здоровья и материального благосостояния пожилых людей. Среди представителей старшего поколения появляется всё больше граждан, которые могут и хотят жить, а не доживать. Они сохраняют высокий уровень социальной активности и остаточной трудоспособности. Я уверен, что эти люди могут из иждивенцев превратиться в значимый экономический, социальный, культурный и др. ресурс развития общества. При условии, конечно, что для этого будут созданы определённые условия. Одним из таких условий, по моему мнению, является

доступ к актуальному образованию. К, сожалению, многие мои коллеги не воспринимают идею образования стариков всерьёз. Эта идея кажется им несколько экзотичной и несвоевременной.

Сам феномен геронтообразования, как и различные его аспекты, пока мало изучен. В России, социологов, обращающихся к его исследованию, можно пересчитать по пальцам (Т. М. Кононыгина, М. Э. Елютина, Э. Е. Чеканова и др.). В то же время актуальность проблемы образования пожилых граждан в нашей стране и мире повышается. В условиях демографического старения характеристики возрастающей социально-демографической группы геронтов, в силу простых статистических законов, становятся характеристиками всего социума. Если старики в обществе полуграмотны, то такое общество неизбежно деградирует. Развития культуры, науки или экономического роста в таком обществе скоро не будет, даже если сейчас всё кажется благополучным.

За время работы над темой я провёл ряд исследований:

- Изучил зарубежный и отечественный опыт реализации образовательных программ для старшего поколения. В России мною была проанализирована деятельность 104 специализированных учреждений.

- Опросил более 200 экспертов в области геронтообразования (социологов, врачей, социальных работников, управленцев, экономистов и т. д.). Опрос проводился различными способами. Иногда это была личная беседа, иногда через электронную почту.

- Провёл анкетирование участников проектов геронтообразования (700 человек из 9 городов РФ).

Сопоставив воедино результаты всех исследований, я осознал, что картина получается неполной. Пришлось опросить контрольную группу респондентов — пожилых людей, не участвующих в программах геронтообразования. Финальным аккордом стала серия глубинных интервью с 20-ю пожилыми учащимися.

Большое место в моём исследовании отводилось включённому наблюдению. На протяжении нескольких лет я работал в качестве преподавателя в нескольких образовательных проектах для представителей старшего поколения. Именно наблюдение дало мне массу интересной информации, которую другим способом получить было бы просто невозможно.

Мне хотелось бы верить, что написание докторской приближается к своему логическому завершению. Сейчас работа находится на стадии обсуждения, критики, доработки и переработки.

Уверен, что США — не на первом месте в мире по образовательным программам для «синьоров», так в стране называют пожилых; думаю, что в ряде европейских странах ситуация лучше. Тем не менее, замечу, я окончил американский колледж и получил степень в 58 лет. Мое появление в аудиториях никого, в том числе и меня, не смущало, там были мои ровесники и люди постарше. Как Вам в целом видится система образования для взрослых, пожилых в России?

Да, Вы абсолютно правы. В Европе или Китае программ геронтообразования реализуется больше чем в Америке, но США тоже находится далеко не последнем месте. По некоторым источникам, практики образования пожилых граждан впервые начали реализовываться именно в Соединённых Штатах (как форма досуга

обеспеченных американцев). Насколько мне известно, сегодня в США образование в различных формах получает каждый третий гражданин старше 50 лет.

В России каких-то юридических ограничений для участия взрослого населения в программах формального образования нет. Но присутствие в аудиториях представителей разных поколений – это большая редкость (имеется в виду очное обучение). Взрослые россияне предпочитают учиться заочно. Основной причиной такого выбора мне представляется необходимость получить образование без отрыва от профессиональной деятельности. Среди заочников иногда встречаются и студенты в возрасте “за пятьдесят”, но в основном это люди тридцати-сорока лет. Конечно, качество заочного образования ниже, чем очного. Раньше в дипломах даже была пометка о том, что студент учился заочно. Но, фактически, получить качественное образование студент может и в заочной форме, если сам этого захочет. Тем более, что многие заочники уже работают по профессии, практические аспекты своей работы они знают лучше педагогов. Им нужен только диплом. У взрослых россиян также есть возможность получения дополнительных образовательных услуг в различных образовательных центрах. Посредством интернет технологий, в России реализуются и дистанционные образовательные программы. В принципе, в нашей стране существуют хорошие условия для обучения взрослыми людьми формального и неформального образования.

Системы образования пожилых в нашей стране пока нет и в ближайшем будущем она вряд ли появится. Да и вообще, я не уверен, что в России нужна система образования геронтов, аналогичная той, что существует для людей среднего возраста. Конечно, развивать геронтообразование нужно и государственная поддержка очень бы в этом помогла. Например, государственные гранты для учреждений или налоговые льготы для спонсоров были бы весьма кстати. Но практика показывает, что в РФ выживают и успешно работают те образовательные учреждения для старшего поколения, которые создаются не на “пустом месте”, а на базе образовательных и культурных центров, а также учреждений социальной защиты населения. Я думаю, что и геронтообразование в масштабах страны будет успешно развиваться, если стратегия его развития окажется связанной не с созданием чего-то принципиально нового, а с поиском ниши в уже существующих организациях и институтах. Практическая реализация такой стратегии будет во многом зависеть от восприятия обществом сущности образования старшего поколения. Если обучение геронтов будет восприниматься как инструмент решения актуальных социально-экономических проблем или инвестиции в человеческий капитал, то в качестве базы для развития геронтообразования целесообразно использовать учреждения формального образования (вузы, центры повышения квалификации и т. д.). Здесь, помимо прочих, могли бы быть реализованы программы профессиональной подготовки представителей старшего поколения. Уже сегодня специалисты служб занятости констатируют, что возможности трудоустройства пожилых граждан могли бы быть существенно расширены, при условии появления программ профессиональной переквалификации, учитывающих специфику пожилого возраста. Если геронтообразование будет восприниматься обществом и государством преимущественно как направление социальной работы, то наиболее подходящим пространством для реализации специализированных образовательных проектов окажутся учреждения социальной защиты населения, а также культурные центры (например,

библиотеки). Очевидно, что цели функционирования проектов в данном случае будут связаны с организацией досуга пожилых людей, оказании им помощи в преодолении различных жизненных трудностей.

Лично у меня нет никаких сомнений в том, что геронтообразование в нашей стране в ближайшем будущем будет активно развиваться в той или иной форме. Вопрос в том, сможет ли общество по достоинству оценить и рационально воспользоваться его потенциалом.

Вы несколько раз упоминали о своей преподавательской деятельности. Как она развивалась, что Вы преподаете сейчас?

Свою преподавательскую деятельность я начал в 19 лет, будучи ещё студентом. Мне доверили вести кружок программирования в лицее, который я незадолго до этого окончил. Для меня это была возможность развиваться как профессионалу и зарекомендовать себя. Уверен, что и то и другое мне удалось. Мои подопечные с успехом выступали на олимпиадах различного уровня. После окончания обучения меня пригласили на преподавательскую работу сразу в три вуза. Выбрал Тюменский государственный нефтегазовый университет, поскольку предполагал, что здесь у меня будут хорошие условия для поступления в аспирантуру и работы над диссертацией. Год пришлось проработать на кафедре высшей математики в поисках места в аспирантуре. Поступить удалось в аспирантуру другого вуза – Тюменского государственного университета. С этого момента начинается моя карьера как преподавателя социологии. Думаю, что мой заведующий кафедрой (она же научный руководитель) дала мне, таким образом, не только возможность зарабатывать на жизнь, но и “методом погружения” освоить малознакомую науку. Спустя год я вернулся в Нефтегазовый университет. В 2006 году В. В. Гаврилюк пригласили в этот вуз, чтобы открыть кафедру социологии, и несколько её учеников последовали за ней; и что принципиально, кафедру предстояло открыть в инженерном вузе. Первое время после открытия кафедра активно развивалась, у нас было много студентов и работы. Я преподавал дисциплины: “Социология” и “Социология религии”. Основная масса студентов в то время поступала к нам “по зову сердца”, с ними было легко и интересно работать.

Потом в стране начались изменения, связанные с переориентацией системы образования на “инженерные рельсы”. На нашу специальность перестали давать бюджетные места. Те, кто приходил теперь получать профессию социолога, были далеко не самыми лучшими студентами. В основном это были троечники и двоечники, которые надеялся получить высшее образование, идя по пути “наименьшего сопротивления”. Я вообще считаю странным деление учащихся на “гуманитариев” и “технарей” в зависимости от их способностей. Во-первых, гуманитарные науки – это науки об обществе и человеке, а не науки, не требующие знания математики. Во-вторых, мне как-то с трудом вериться, что на свете существует студент, который по истории, иностранному языку, социологии и философии имеет пятёрки, а по математике – двойку. Разумнее делить студентов на “способных к учёбе” и “условно способных к учёбе”. Так вот те студенты, которые к нам стали приходиться, были гуманитариями в самом плохом смысле этого слова. Работать с ними было чрезвычайно тяжело. Вдобавок ко всему дисциплина “социология” исчезла почти из всех новых программ подготовки

инженеров-бакалавров. На нашей кафедре стал ощущаться дефицит нагрузки. Те, кто мог, искали работу на других кафедрах. Я вернулся на кафедру математики сначала на половину ставки, затем моё присутствие здесь всё увеличивалось. Уже несколько лет я не преподаю социологию. Сейчас специализируюсь на преподавании информатики, программирования и математической логики. И я не один оказался в такой ситуации. Коллеги с учёными степенями по медицине устроились на кафедру физкультуры. Один из наших преподавателей, кандидат богословских наук, который в будни преподавал философию и религиоведение, а по выходным одевал рясу и шёл просвещать детей в церковную школу, сейчас работает на кафедре физики. Ему неожиданно пригодились первое образование.

На моей математической кафедре в настоящее время работает около 10 человек с учёными степенями по социологии. Но, в отличие от меня, в их трудовой биографии не было “рокировок” со сменой профиля педагогической деятельности. Они всегда преподавали математику. Такая ситуация во многом объясняется тем, что заведующий кафедрой Олег Михайлович Барбаков сам является доктором социологических наук. Он активно поддерживает развитие социологии в нашем инженерном вузе. Помогая своим аспирантам-математикам с определением направления исследования, Олег Михайлович часто пытается найти тему на стыке математики и социологической науки.

Учить студентов-инженеров приятно и интересно. Может быть оттого, что группы на 100% заполняются бюджетниками. К нам приезжают толковые ребята со всей России и “ближнего зарубежья”.

В общем, в нашей стране закончилось “время лириков” и пришло “время физиков”. Хотя... социологи в России никогда “лириками чистой воды” и не были.

Ох, если бы? Толковых молодых людей – хоть лириков, хоть физиков – немало, но они почти не востребованы. Возможно, в Сибири ситуация лучше, но в европейской части страны среди молодежи довлеет пессимизм относительно будущего. Как Вам видится ближайшее будущее Ваших студентов?

Будущее это весьма туманно. Найти работу, пробиться в жизни без денег и связей будет тяжело, даже толковым ребятам с хорошим образованием. Это капитализм. Кто-то из сатириков очень метко пошутил, что люди, выросшие СССР, теперь понимают, что всё то, что им говорили про коммунизм – это неправда, а всё, что рассказывали про капитализм – правда. Я заметил, что первокурсники, как правило, описывают своё профессиональное будущее в ярких красках. Никаких сомнений в удачном трудоустройстве. Для старшекурсников, напротив, характерен пессимизм, разочарование в полученном образовании и скептические прогнозы относительно перспектив трудоустройства. Возможно, это связано с тем, что многие к этому времени уже пытались найти себе подработку. Статистика говорит, что 70% россиян работает не по специальности. И в этой связи не очень понятен смысл перехода нашего образования от специалитета к бакалавриату. В сложившихся условиях нужно за время обучения в вузе давать студенту как можно больше практических знаний из разных областей, обучать не одной, а нескольким профессиям. Такой подход повышает шансы выпускника на трудоустройство. На деле же всё происходит “с точностью до наоборот”. В российском профессиональном образовании установилась тенден-

ция на подготовку узких специалистов. В частности, мне как социологу с одной стороны и преподавателю инженерного вуза с другой, обидно, что инженеров теперь не обучают основам социологии. Социологические знания пригодились бы любому руководителю, да и просто офисному работнику. Например, для составления каких-либо отчётов, построения прогнозов и т. д.

Ну, тут ничего не поделаешь. В своё время мы тоже как-то пробивались, работали и учились, чем-то жертвовали, от чего-то отказывались... Это нормальный путь профессионального становления, взросления человека и обретения им самостоятельности. Пробьются и наши ученики.